

УДК 80/81

ББК 81

Я 41

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»

Рецензенты:

член-корр. РАН, д-р психол. н. Б. М. Величковский

член-корр. РАН, д-р филол. н. В. А. Виноградов

Я 41

Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика /
Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев; ред. А. А. Кибрик, А. Д. Ко-
шелев, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова. — М.:
Языки славянской культуры, 2015. — 848 с., ил. — (Вклейка по-
сле с. 368). — (Разумное поведение и язык. Language and Reason-
ing).

ISBN 978-5-9906039-9-8

Международный коллектив авторов сборника, впервые со-
бравшийся в таком составе, представляет панораму современной
когнитивной лингвистики. Когнитивная лингвистика понимается
максимально широко — как исследование любого аспекта языка в
связи с познавательными процессами человека. Сборник состоит
из трех разделов. В статьях первого раздела обсуждается общая
архитектура языка в когнитивной перспективе. Два последующих
раздела посвящены двум основным режимам существования язы-
ка — язык как хранилище и язык как коммуникативный процесс.
Книга будет полезна не только специалистам — лингвистам, пси-
хологам, исследователям в области искусственного интеллекта, —
но и широкому кругу читателей, интересующихся строением язы-
ка, его эволюцией, процессами познания, мышления и речевой
коммуникации.

УДК 80/81

ББК 81

Language and thought: Contemporary cognitive linguistics / Compiled by
A. A. Kibrik and A. D. Koshelev. Ed. by A. A. Kibrik, A. D. Koshelev,
A. V. Kravchenko, Ju. V. Mazurova, and O. V. Fedorova. — Moscow: Lan-
guages of Slavic Culture, 2015. — 848 pp. — (“Language and Reasoning” se-
ries).

*В оформлении переплета использованы картина Рембрандта Харменса ван Рейна
«Корнелис Клаус Асло в разговоре с женой»
и фрагмент картины Сандро Боттичелли «Мадонна дель Магнификат»*

© Авторы, переводчики, 2015

© Кибрик А. А., Кошелев А. Д., сост., 2015

© Языки славянской культуры,

оформление, оригинал-макет, 2015

ISBN 978-5-9906039-9-8

НА ПОРОГЕ ЭВОЛЮЦИОННО-СИНТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

А. Д. Кошелев

(Издательство «Языки славянской культуры», Москва)

В первой части статьи иллюстрируется кризис современной теоретической лингвистики: одновременное существование и независимое развитие целого ряда противоречащих друг другу концепций языка (Н. Хомского, Р. Джекендоффа, И. А. Мельчука, Дж. Лакоффа и др.). Во второй части показано, что ни научные дискуссии, ни междисциплинарный подход, ни экспериментальные данные не сближают позиции различных лингвистических школ. В заключительной части статьи утверждается, что единственный выход из сложившегося теоретического тупика состоит в создании единой, эволюционно-синтетической теории языка. Дается краткий очерк этой теории.

1. КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Круг ученых, признающих глубокий кризис современной теоретической лингвистики, постепенно расширяется, см., например, статьи [Кошелев 2013а; Кравченко 2015] и библиографию в них. Сущность этого кризиса заключается в том, что на протяжении уже более полувека в лингвистике одновременно существует множество несовместимых теорий языка: Н. Хомского, Р. Джекендоффа, И. А. Мельчука, Дж. Лакоффа, Т. Гивона, А. Вежбицкой, Р. Лангакера и др.

В результате одна часть лингвистического сообщества разделилась на ряд противоборствующих или просто игнорирующих друг друга научных школ. Другая же, большая часть, не принимая в полной мере ни одну из известных теорий, проводит исследования, руководствуясь своим собственным представлением о языке и методах его изучения или же опираясь на отдельные положения разных, зачастую антагонистичных друг другу концепций.

1.1. Мейе и Якобсон о единстве в лингвистике. Пожалуй, одним из первых на эту опасную особенность лингвистики XX в. обратил внимание А. Мейе. Еще в 1928 г. он писал:

В то время как историческое языкознание имеет точные методы, апробированные длительным использованием, общее языкознание пока не определилось со своим подходом, оно пока еще тяготеет к философии: каждый автор избирает свой собственный путь [исследований] и, как представляется, существует столько же лингвистик, сколько и лингвистов.

Чтобы лучше понимать друг друга, нам прежде всего нужна такая терминология, где термины имеют единое значение для всех. Это с первого взгляда представляется фундаментальной трудностью для понимания природы лингвистических фактов¹.

Позднее стало казаться, что теоретическая лингвистика обрела долгожданное единство; ср. точку зрения Р. О. Якобсона, относящуюся к концу 60-х гг.:

На первый взгляд кажется, что современная лингвистическая теория являет собой поразительное разнообразие противоречащих друг другу доктрин. <...> И все же внимательное, непредубежденное рассмотрение всех этих ограниченных доктрин и жарких споров выявляет общую основу. <...> Подобно тому как общая топология служит основой и задает направление для целого ряда математических исследований, разнообразие лингвистических подходов отражает лишь многообразие *взаимно дополняющих* аспектов ([Якобсон 1985: 404, 405]; курсив наш. — А. К.).

По мнению Якобсона, единство разнообразным лингвистическим теориям придает «кардинальный принцип структурного подхода к языку, разделяемый всеми направлениями лингвистики», поэтому

¹ Ввиду важности и многократного цитирования этого высказывания А. Мейе, привожу оригинальный текст:

“Mais, tandis que la linguistique historique a des méthodes précises, éprouvées par un long usage, la linguistique générale est encore mal assurée dans sa démarche; elle tient toujours un peu de la philosophie: chaque auteur procède à sa manière et il y a, semble-t-il, autant de linguistiques générales que de linguistes. Pour que la linguistique générale progresse, il faut qu’elle devienne plus objective et qu’on en fixe la technique.

Pour se bien entendre, on a besoin tout d’abord d’une terminologie où les termes aient pour tout le monde le même sens. Or, il apparaît du premier coup une difficulté fondamentale qui tient à la nature du fait linguistique” [Meillet 1928: 29].

«исследование языковой структуры является основной задачей всех направлений современной лингвистики» [Якобсон 1985: 404, 405].

Сейчас, однако, вряд ли кто-либо будет отстаивать данный тезис. Не бесспорный и в то время, он позднее полностью утратил адекватность.

Что же касается теоретической лингвистики конца XX в., то в ней нет даже видимости единства; см., например, [Кибрик 1995: 99; Касевич 2000: 68; 2013: 27]. Характерной чертой современной лингвистики стало неуправляемое, ничем не сдерживаемое порождение новых концепций языка. Причем эти новые концепции зачастую не вступают в конкурентное соперничество с уже имеющимися, как это следовало бы ожидать, а существуют с ними так, как будто каждая из них описывает свой собственный аспект языка, а не язык как целостное явление.

Вместе с тем далеко не все ученые трактуют современное состояние лингвистики столь пессимистично. Одни считают, что «гуманитарные науки обречены на политеоретичность. <...> Это означает... неизбежность многопарадигмальности теоретического языкознания» [Демьянков 2009: 32]; ср. также:

...в лингвистике (и вообще в гуманитарных науках) парадигмы не сменяют друг друга и не отрицают друг друга, но накладываются одна на другую, сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга [Серио 1993: 52].

Другие же полагают, что антагонизм различных теорий языка не столь тотален. К примеру, Т. Фитч считает, что противоречивость многих лингвистических теорий не носит фундаментального характера и в процессе дальнейшего развития вполне может быть преодолена путем их частичного объединения.

Изучение языка требует конвергенции и интеграции различных механизмов, каждый из которых необходим, но сам по себе, без участия других механизмов, не достаточен... здесь **необходимо примирять идеи, казалось бы, противоречащие друг другу** [Фитч 2013: 19; выделено нами. — А. К.].

Анализ ряда теорий языка, данный в [Кошелев 2013а], показывает, что взаимный антагонизм этих теорий исключает возможность трактовать их как «взаимно дополняющие» друг друга в тех или иных аспектах или как исходный материал для составления новой теории языка. Ниже, в пп. 1.2—1.6, мы приведем конспективное изложение совокупности фактов, подтверждающих эту точку зрения.

Замечание. Из сказанного вовсе не следует, что **вся** современная лингвистика находится в кризисном состоянии. Это утверждение относится только к общему, или теоретическому, языкознанию, которое не опирается на непосредственную интуицию носителя языка. Что же касается конкретных лингвистических исследований, использующих языковую интуицию, то они развиваются широким фронтом и в самых различных направлениях. Сказанное, коротко говоря, означает, что в процессе развития современной лингвистики наши научные знания о языке и конкретных языках становятся, с одной стороны, все более широкими и разносторонними, а с другой — все менее глубокими и бесспорными.

1.2. Теории Соссюра, Хомского, Мельчука и Джекендоффа.

Мы не будем касаться очевидного противостояния таких направлений лингвистических исследований, как функционализм и генеративизм (шире — формализм). Об этом хорошо известно (см., например, [Чейф 2015] или двухтомное издание [Newmeyer et al. 1999]). Мы покажем, что даже относительно близкие друг другу теории Н. Хомского, Р. Джекендоффа и И. А. Мельчука также оказываются несовместимыми между собой, а также с концепцией Ф. де Соссюра, которую можно принять за точку отсчета современных теорий языка.

Проиллюстрируем сказанное несколькими краткими примерами.

О роли языка в мышлении. Коснемся важнейшего для теоретической лингвистики вопроса о роли языка в мышлении. Сводятся ли основные функции языка к сугубо коммуникативным задачам — или они включают также и мыслеобразование? Свойственно ли языку полноценно участвовать в формировании мысли, содержащейся в высказывании (фразе языка), — или же он служит только инструментом передачи мысли? Этот вопрос разделяет многие теории языка. К примеру, концепции Ф. де Соссюра, Н. Хомского, Р. Джекендоффа и И. А. Мельчука отвечают на него по-разному.

Концепция Ф. де Соссюра трактует язык как инструмент мышления и утверждает, что вне языка мышления не существует; ср.:

Взятое само по себе мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено. Предустановленных понятий нет, равным образом как нет никаких различий до появления языка. <...> Мысль, хаотичная по своей природе, по необходимости уточняется, расчлениваясь на части [Соссюр 1977: 144].

Согласно теории «принципов и параметров» Н. Хомского, язык это «вычислительная система», порождающая «структурно организованные

выражения» из абстрактных слов специального лексикона («концептуальных или лексических “атомов”») [Chomsky 2010: 45]. Иначе говоря, язык выполняет не всю мыслительную работу, как в теории Соссюра, но ее главную часть: порождает из «предустановленных» концептуальных атомов форму мысли — абстрактную фразу. А ее конкретное смысловое наполнение осуществляют механизмы мышления, внеположные языку.

Теории Р. Джекендоффа и И. А. Мельчука, напротив, трактуют язык исключительно как средство коммуникации — как преобразователь мысли, уже сформированной самостоятельным мышлением человека, в конкретную фразу языка. Однако и здесь имеет место существенное различие. Если у Джекендоффа эта мысль представлена как структура универсальных смыслов, то у Мельчука — как структура лингвоспецифичных смыслов, меняющихся от одного языка к другому.

Как мы видим, в понимании роли языка в мышлении модели Хомского, Мельчука и Джекендоффа оппозиционны концепции Соссюра и альтернативны друг другу. Эти модели базируются на разных принципах и работают существенно различным образом.

Назначение языка. Продолжением темы «язык и мышление» является вопрос о назначении языка. Как подчеркивает Ф. де Соссюр, «специфическая роль языка в отношении мысли заключается... в том, чтобы служить посредствующим звеном между мыслью и звуком» [Соссюр 1977: 144]. Практически то же, казалось бы, утверждает и Р. Джекендофф: «...основная функция языка заключается в том, чтобы преобразовывать мысли в доступную для передачи форму» [Jackendoff 2007: 69]². Между тем концепции Соссюра и Джекендоффа не просто различны, а диаметрально противоположны.

Соссюр называет внеязыковой мыслью «хаотичное по своей природе», «аморфное» перцептивное ощущение, которое именно благодаря языку «уточняется, расчлняясь на части». Джекендофф же, напротив, называет мыслью «алгебраическую формулу» («структуру») концептов, сформированную мышлением независимо от языка.

Следует заметить, что Н. Хомский специально предостерегает против коммуникативной трактовки назначения языка: «Ошибочно представлять использование языка человеком как сугубо информативное,

² Ср. также: «...задаваясь вопросом, как он (язык. — А. К.) используется, мы получаем наиболее обобщенный (и, как кажется, очевидный) ответ, что язык позволяет одному индивиду узнать некоторые мысли другого индивида... язык — это средство коммуникации» [Чейф 2015: 61].

в действительности или в намерении...» [Хомский 1972: 88]; ср. также [Chomsky 1980: 230].

Возражая Хомскому, Джекендофф пишет:

Вопреки здравому смыслу Хомский часто утверждал, что язык не предназначен «для» коммуникации... По непонятным мне причинам он, похоже, считает, что изначальное назначение языка — способствовать мышлению... По крайней мере, в одной из последних работ (Chomsky 2002) и в дискуссии на конференции весной 2002 года он обосновывал это свое убеждение тем, что язык большей частью используется для внутренней речи. Удивительно, что он попал в ловушку... полагая, что внутренняя речь *и есть* мысль, а не фонологическая структура, соответствующая мысли (как я буду утверждать) ([Jackendoff 2007: 70 (примеч. 13)]; курсив автора. — А. К.).

1.3. Является ли язык автономным модулем? Этот вопрос разделяет лингвистические теории на два противоборствующих лагеря. Положительный ответ на него дают генеративные теории, а также теория И. А. Мельчука. Отрицательный — функциональные теории (Т. Гивон, А. Е. Кибрик, Ч. Филлмор, А. Голдберг и др.), исходящие из постулата об обусловленности фундаментальных характеристик языка его функциями (мыслительной, коммуникативной и др.), и когнитивные теории языка, постулирующие использование языком общих с мышлением и другими когнитивными механизмами концептуальных знаний (базовых концептов, универсальных концептуальных примитивов и др.).

Вот что писал по этому поводу Дж. Лакофф, противопоставляя свой когнитивный подход теориям языка, трактующим его как «модульную» (или «модулярную») систему:

Одно из принципиальных утверждений в данной книге заключается в том, что язык использует общий (выполняющий и другие, неязыковые функции. — А. К.) когнитивный аппарат. <...> Фактически большая часть широко распространенных подходов к языку как в лингвистике, так и в философии основывается на противоположной предпосылке: язык является отдельной «модульной» системой, *независимой* от всего остального познания. Независимость грамматики от всего остального массива знания является, возможно, наиболее фундаментальной предпосылкой, на которой основывается теория языка Ноама Хомского ([Лакофф 2004: 86]; курсив автора. — А. К.).

1.4. О других оппозиционных положениях рассматриваемых теорий. Существенные противоречия наблюдаются между лингвистическими концепциями и по другим важным вопросам. Трансформационная модель И. А. Мельчука, разделяющая с порождающей моделью

Н. Хомского идею модульности языка, радикально отличается от последней по некоторым фундаментальным решениям. Хомский при описании синтаксиса фразы использует структуру составляющих, а Мельчук — структуру зависимостей (и, по мнению Мельчука, это различие — принципиальное; см. [Мельчук 2012: 128; 2012а]). В отличие от модели Хомского, в модели «Смысл—Текст» семантика конкретных лексем играет важнейшую роль и т. д.

В плане семантических описаний концепция А. Вежбицкой весьма близка к подходу Мельчука и его коллег, и создавалась она в тесной связи с этим подходом. Тем не менее она не состоит в отношении преемственности или дополнительности к нему. Так, если у Мельчука «семантический метаязык» лингвоспецифичен (свой для каждого языка), то в теории Вежбицкой аналогичный «естественный семантический метаязык» (ЕСМ) уже универсален [Вежбицкая 1999: 16, 17, 25]. Это и некоторые другие различия (Вежбицкая посредством ЕСМ описывает семантику частей речи, а Мельчук считает, что никакой семантики части речи не имеют, и др.) обуславливают несовместимость этих подходов к языку.

Не менее фундаментальное противостояние разделяет семантические концепции Мельчука и Вежбицкой, с одной стороны, и Дж. Лакоффа — с другой. Во-первых, Лакофф отвергает «атомистический» подход к описанию лексических значений:

Мысль имеет *свойства геитальта* и таким образом не атомистична: понятия имеют целостную структуру, которая не сводится к простому объединению понятийных «строительных блоков» посредством общих правил ([Лакофф 2004: 13]; курсив автора. — А. К.).

А это означает, что никакого «естественного семантического метаязыка», по его мнению, быть не может.

Во-вторых, Лакофф, вслед за Э. Рош и рядом других ученых, утверждает, что семантические категории имеют прототипическую природу и являются принципиально нечеткими [Там же: 19—98], а потому нечетки и языковые значения, задающие эти категории. Вежбицкая же, напротив, считает семантические категории четкими («аристотелевскими») и подтверждает свою позицию рядом строгих лексикографических описаний [Вежбицкая 2011: 92, 108—115].

1.5. Противоречия в описании «семантико-синтаксического интерфейса». Оппозиционность различных теорий синтаксиса и семантики широко известна и потому не требует отдельного рассмо-

трения. Более интересно обратиться к такой важной проблеме, как разделение семантико-синтаксической информации между лексикой (словарем) и грамматикой. И здесь, как мы сейчас увидим, наблюдается та же картина: одновременное существование ряда несовместимых теорий.

Как отмечает [Аркадьев 2008] в обзоре двух сборников статей, вышедших в 2004 и 2005 гг.³ в Oxford University Press в серии «Оксфордские исследования по теоретической лингвистике», «разграничение полномочий» между грамматикой и словарем проводится разными исследователями существенно различным образом. При этом в отношении первого сборника, содержащего более десятка работ, рецензент отмечает, что

...среди авторов статей практически нет согласия по ряду важнейших вопросов; в частности, предлагаемые в разных статьях и — в пределах каждой отдельной статьи, — как правило, представляющиеся убедительными синтаксические механизмы описания неаккузативности при сравнении их друг с другом оказываются если не взаимопротиворечащими, то по крайней мере не сводимыми один к другому очевидным образом [Там же: 124].

Сходный вывод делается и в отношении второго сборника, объединившего «исследования, написанные в рамках разных (порой явным образом противоречащих друг другу) теоретических направлений» [Там же: 132].

1.6. Онтолингвистика и эволюция языка. Несовместимость общих теорий языка проецируется и на теоретические построения в других лингвистических дисциплинах, таких, к примеру, как эволюция языка; ср. тезис Р. Джекендоффа: «Ваша теория эволюции языка зависит от вашей теории языка» [Jackendoff 2010: 63]. Его справедливость проиллюстрирована в [Кошелев 2013б: 706—709], где показано, что несовместимость эволюционных концепций Д. Бикертонна, Р. Джекендоффа и Н. Хомского обусловлена антагонизмом их теорий языка. Аналогичная ситуация сложилась и в онтолингвистике, изучающей становление и развитие детской речи. Нетрудно показать, что оппозиционность концепций освоения языка Н. Хомского и М. Томаселло обусловлена несовместимостью генеративизма Хомского

³ Alexiadou A., Anagnostopoulou E., Everaert M. (eds). The unaccusativity puzzle. Explorations of the syntax-lexicon interface. Oxford: Oxford University Press, 2004; Erteschik-Shir N., Rapoport T. (eds). The syntax of aspect. Deriving thematic and aspectual interpretation. Oxford: Oxford University Press, 2005.

и грамматики конструкций, на которую опирается Томаселло [Кошелёв 2013б: 693—697; Томаселло 2015: 769—778].

2. О бесплодности попыток достигнуть консенсуса

Если задаться вопросом: обозначаются ли в настоящее время какие-либо пути выхода из сложившегося теоретического тупика, то наш ответ будет отрицательным. Ни научные дискуссии, ни междисциплинарный подход не сулят обнадеживающих перспектив.

2.1. Непродуктивность научных дискуссий. Прежде всего, следует констатировать, что дискуссии, нередко возникающие между представителями различных научных школ, как правило, оказываются непродуктивными. Лингвисты разных школ часто просто не понимают друг друга (а иногда и не желают понимать, считая другие теории заведомо ложными). Но это лишь одна из причин, почему представители разных школ не способны преодолеть имеющиеся противоречия или хотя бы содействовать сближению этих школ. Другая, более важная причина — отсутствие общепризнанных критериев определения истинности тех или иных лингвистических постулатов.

В качестве иллюстрации бесплодности лингвистических споров можно сослаться на следующие примеры. Во-первых, на широко известную дискуссию, вызванную статьей [Evans, Levinson 2009]. Ее авторы поставили своей целью доказать иллюзорность (недоказуемость или тривиальность) практически всех языковых универсалий (генеративной грамматики, школы Гринберга и др.). В приложениях к статье даны более двадцати комментариев к ее утверждениям представителей разных школ и направлений, а также ответы на них Н. Эванса и С. Левинсона. Насколько можно судить, никакого сближения позиций дискутирующих сторон достигнуто не было.

Другим подобным примером может служить известная дискуссия, порожденная статьей М. Хаузера, Н. Хомского и Т. Фитча [Hauser et al. 2002]; см. отклики на нее [Пинкер, Джекендофф 2008; Бикертон 2012; Jackendoff, Pinker 2005; Pinker, Jackendoff 2005; Bickerton 2007; 2010] и др., а также вторую статью тех же авторов [Fitch et al. 2005]. И здесь сближения точек зрения участников дискуссии не произошло.

Судя по всему, подобный итог имела и дискуссия, организованная 15 лет назад Ф. Ньюмейером, выпустившим затем два тома статей [Newmeyer et al. 1999].

2.2. О неэффективности междисциплинарного подхода. Некоторые исследователи возлагают надежды на междисциплинарный подход. Увы, эти надежды также себя не оправдывают. Если говорить о внутрилингвистических дисциплинах, то большие проблемы в осуществлении такого диалога обусловлены антагонизмом общих теорий языка. Упомянутые эволюция языка и онтолингвистика могут служить здесь хорошими примерами.

Если же говорить о диалоге лингвистики с другими когнитивными науками, то проблематичность такого диалога обусловлена тем обстоятельством, что эти когнитивные дисциплины находятся в аналогичном концептуальном тупике (подробнее об этом см. [Кошелев 2014а]).

2.2.1. Теоретический антагонизм в психологии. Рассмотрим в качестве примера психологию — науку, с которой лингвистика связана теснейшими узами. Вот как характеризуется состояние современной психологии в известной книге Д. П. Шульц и С. Э. Шульц «История современной психологии»:

Если психологи и могут быть в чем-то единодушны, так это в том, что «сегодня психология еще более неоднородна, чем сто лет назад, и кажется, будто мы как никогда далеки от того, что хоть сколько-нибудь напоминало бы согласие относительно характера психологии» (Evans, Sexton, Gadwallader. 1992. P. XVI). Такую точку зрения разделяют многие психологи. «В конце [XX] столетия нет никакой единой системы, никаких единых принципов для определения психологической дисциплины и ведения исследований» (Chiesa. 1992. P. 1287). «Психология... представляет собой не единую дисциплину, но собрание нескольких различных ветвей» (Koch. 1993. P. 902). «Американская психология разделена на враждующие фракции» (Leahey. 1992. P. 308). Психологическая наука состоит из групп, каждая из которых «цепляется» за собственную теоретическую и методологическую платформу и подходит к изучению человеческой природы, вооружившись собственными методами, пользуясь собственной терминологией... [Шульц, Шульц 2002: 33].

Аналогичная ситуация сложилась и в отдельных дисциплинах психологии, например в психологии внимания [Фаликман 2010: 425, 426], в теории имплицитного научения [Иванчей 2014].

Трудно представить себе плодотворный диалог между лингвистикой с ее десятком антагонистических теорий языка и психологией с ее «собранием нескольких различных ветвей». Проиллюстрируем этот тезис примерами.

2.2.2. Нейросемантика. В качестве конкретного примера междисциплинарного диалога рассмотрим сравнительно новую область исследований: нейролингвистику, точнее, нейросемантику.

Появившаяся в самом конце XX в. теория зеркальных нейронов [Риццолатти, Синигалья 2012] почти сразу дала толчок нейробиологическим концепциям эволюции языка, его усвоения ребенком и пр., основанным на положениях этой теории о сенсомоторных механизмах человеческого восприятия [Rizzolatti, Arbib 1998; Arbib 2012]. Появился целый ряд работ, объясняющих с помощью зеркальных нейронов понимание человеком глаголов, называющих простейшие действия типа *пнуть*, *лизнуть*, *подобрать*, *схватить* и т. п. (так называемая kick-lick-pick парадигма); см. [Pulvermüller 2005; Gallese, Lakoff 2005].

Например, в статье [Pulvermüller 2005] изучается следующий эффект: как только человек воспринимает (слышит или читает) слова типа *пнуть*, или *лизнуть*, или *поднять* (*kick*, *lick*, *pick*), в его мозгу ментально активируется зона моторного представительства ноги, языка или руки, и только она. Важно, что эта зона активизируется в дватри раза быстрее того времени, за которое человек успевает осознать значение воспринятого слова. Данный эффект послужил основанием для следующей гипотезы: первичная семантическая обработка таких глаголов осуществляется на сенсомоторном уровне; ср.:

Эта диссоциация паттернов мозговой деятельности подтверждает идею о запускаемых стимулами ранних лексико-семантических процессах. <...> Полученные результаты показывают, что слова, описывающие действия, активируют соматотопическую кортикальную систему для обработки действия и что эта соматотопия⁴ отражает референтное значение слова. <...> Итак, эти результаты подтверждают... распределенную модель семантической соматотопики при обработке слов, описывающих действие. <...> Результаты экспериментов со словами, описывающими действие, показывают, что в семантической обработке может участвовать множество кортикальных областей [Там же: 579, 580].

Приведенные результаты вызывают ряд вопросов. Представим себе, что наряду с глаголом *пнуть* предъявлялись бы также слова, обозначающие другие действия ногой: *лягнуть*, *шагнуть*, *топнуть*. Скорее всего, они вызвали бы активацию того же участка коры — моторного представительства ноги, хотя семантически эти глаголы безусловно отличаются

⁴ Данный термин подразумевает, что между участками моторной зоны коры и подвижными частями тела имеется соответствие: один участок коры представляет ногу и только ее, другой — язык и т. д. *Прим. А. Д. Кошелева.*

и друг от друга, и от глагола *пнуть*. Но тогда как быть с утверждением, что «эта соматотопия отражает референтное значение слова?»

Далее, почему речь идет о **семантике** предъявляемых слов? Рассмотрим такой пример. Щенка обучили команде «Дай лапу», и в его присутствии хозяйка с гордостью сообщает своей подруге о том, что она ему говорит «Дай лапу» и он дает. Вполне вероятно, что у щенка на слова хозяйки «Дай лапу» активизируется зона коры, управляющая движением его передней лапы. Вряд ли в этом случае можно говорить, что у щенка проявляется «распределенная модель семантической соматотопики при обработке слов, описывающих действие».

Кроме того, в лексической семантике, насколько мне известно, никогда не объединялись в один класс слова, именующие действие ногой, поскольку данный признак не является семантическим. Да такой класс и составить невозможно. Относить к нему глаголы *встать*, *прыгнуть* и под. или нет? Ведь в называемых действиях главную роль играют ноги...

Мне кажется, здесь речь должна идти не о семантике слова *пнуть*, а об устойчивой ассоциативной связи имен некоторых основных действий ногой с участком моторной коры, представляющим ногу. Возможно, будущие эксперименты выявят специфику отклика этого участка на предъявление каждого из глаголов *пнуть*, *лягнуть* и *топнуть*. Но даже в таком случае говорить о семантике вряд ли оправданно.

В итоге получается следующее. В статье описаны хорошо продуманные эксперименты, позволившие получить новые, весьма интересные результаты в нейробиологии. Но междисциплинарная (лингвистическая) интерпретация этих результатов оказалась весьма спорной.

2.2.3. О перспективах сенсомоторной теории глагольной семантики. В упоминавшейся выше статье [Pulvermüller 2005: 581] автор задается вопросом: сохраняется ли обсуждаемый эффект, если, скажем, глагол *пнуть* употребляется в идиоматических или метафорических выражениях, в которых «утрачена всякая связь с действием»? Гипотетический ответ на него дается в статье [Gallese, Lakoff 2005: 472]:

Дальнейшее предположение нашей теории концептов заключается в том, что подобные результаты могут быть получены в фМРТ-исследованиях не только в связи с фразами с буквальным значением, но и в связи с соответствующими метафорическими фразами. Таким образом, высказывание *He grasped the idea / Он поймал (схватил) мысль* должно активировать сенсомоторные отделы мозга, связанные со схватыванием. Подобным образом, метафорическое высказывание типа *They kicked him out of class / Они выткнули его из класса*

должно активировать сенсомоторные отделы мозга, связанные с питанием. Серия экспериментов на основе томографических изображений мозга в настоящее время проверяет это предположение.

Отметим, прежде всего, одну трудность проверки данного предположения, связанную с необходимостью исключить возможность первичного понимания слов *grasped* и *kicked* в прямом значении. Ведь фраза *He grasped the idea* сначала воспринимается как последовательность (поток) слов, а значит, глагол *grasped* будет воспринят изолированно и в прямом значении — как имя соответствующего действия рукой, что автоматически вызовет актуализацию участка моторной коры, представляющего руку. Однако полноценное понимание улышанных фраз, а стало быть, и метафорическое осмысление глагола *grasped*, наступит гораздо позже, когда эта актуализация уже осуществилась. В такой ситуации легко сделать ложный вывод о том, что метафорическое употребление слова *grasped* тоже активирует сенсомоторные отделы мозга, связанные со схватыванием.

С другой стороны, для обоснования сенсомоторной теории глагольной семантики более важным, на наш взгляд, было бы задаться еще одним вопросом: сохраняется ли такая сенсомоторная связь для гораздо более многочисленных и «интересных», уже собственно человеческих действий? Согласно теории биодвижений Н. А. Бернштейна, действия типа *пнуть, глотнуть, бросить, лизнуть, поднять, схватить* структурно элементарны и ориентированы на достижение пространственных целей. И у животного, и у человека они реализуются одним нейрофизиологическим механизмом (управляются уровнем «пространственного поля» — в терминологии Н. А. Бернштейна). Что же касается многозвенных смысловых действий с предметом (зажечь спичку, надеть пальто и под.), то они «почти монополюсно принадлежат человеку», а у животных практически отсутствуют [Бернштейн 2008: 158]. Эти действия обеспечиваются сугубо человеческим нейрофизиологическим механизмом (управляются отсутствующим у животных «предметным уровнем») и составляют основную часть всей совокупности действий человека. Поэтому в семантическом плане гораздо более интересны глаголы типа *зажечь, надеть, застегнуть, разрезать, намазать, открыть* и под. Неясно, в какой мере на них можно распространить рассмотренную выше методологию.

2.2.4. Об эксперименте в когнитивных науках. В условиях теоретической полипарадигмальности резко повышается вероятность невольного отбора ученым только тех экспериментальных данных,

которые поддерживают его теорию (опасность, о которой предупреждал К. Поппер). Вот весьма показательный пример. Подытоживая противостояние, сложившееся в этологии при описании коммуникации у пчел, этолог Е. Н. Панов пишет:

Итак, три школы — три точки зрения на коммуникацию у пчел. К. фон Фриш (K. von Frisch) — представитель классической этологии. Для него суть коммуникации у пчел — в механизмах парных взаимодействий или взаимодействиях с участием небольшого числа особей, пользующихся врожденным сигнальным кодом. Н. Г. Лопатина — проводник учения об условных рефлексах. В ее понимании танец пчел — это условно-рефлекторная деятельность, требующая обучения и неэффективная без него. Коммуникация также происходит по диалоговому типу. Для А. М. Веннера (A. M. Wenner) характерен эколого-популяционный подход... Здесь коммуникация — сложная, стохастически обусловленная система связей, объединяющих в каждый данный момент множество особей из данной популяции. Плотность популяции — важный параметр, с изменением которого меняется как характер, так и эффективность коммуникации.

Во всей этой ситуации весьма любопытно вот что: гипотезы отнюдь не умозрительны — каждая с точки зрения их приверженцев подтверждается множеством экспериментов, или, как мы обычно говорим, основана на богатом фактическом материале. Однако то, что представляется несомненным фактом стороннику данной гипотезы, не является убедительным фактом для ее противников [Панов 2012: 84].

Данный пример со всей очевидностью свидетельствует об относительности, казалось бы, неопровержимого аргумента — «согласно многократно подтвержденным экспериментальным данным...»⁵. Д. Гентнер,

⁵ Следует подчеркнуть, что обсуждаемый кризис виден только извне, «с птичьего полета». Ученый, занятый решением тех или иных конкретных проблем, его просто не замечает. На недавнем круглом столе в РГГУ (Международный круглый стол «Перспективы когнитивных исследований: междисциплинарность и интегративность», 3 декабря 2014 г.) один известный когнитивный лингвист в своем докладе призывал коллег к междисциплинарному диалогу с психологами. На мой вопрос «Как Вы представляете диалог между лингвистикой и психологией, если теоретическая лингвистика сейчас — это совокупность десятка антагонистичных друг другу теорий языка, а психология — “собрание нескольких различных ветвей”?» он ответил: «Очень просто. Разрабатывая свой подход к языку, я обращаюсь к психологии и беру в ней то, что мне нужно». Таким образом, современная психология видится ему большой (и все возрастающей) суммой непротиворечивых знаний, которые можно использовать по своему усмотрению. При этом вполне возможна ситуация, когда один результат будет взят из одной ветви психологии, а другой — из антагонистичной ей ветви.

обсуждая апелляцию некоторых исследователей к врожденному языку мыслей, остроумно прокомментировала благоговейное отношение к эксперименту, принятое у психологов: «Ох, оставьте! Разве вы не видите, мы проводим эксперимент!» [Gentner 2003: 225].

3. КОНТУРЫ ЭВОЛЮЦИОННО-СИНТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

В свете сказанного единственный выход из сложившегося теоретического тупика нам видится в том, чтобы начать построение теории языка заново. Но не еще одной, альтернативной уже имеющимся, а всеобъемлющей, или эволюционно-синтетической, теории, нацеленной на всестороннее описание языка и способной благодаря этому обеспечить долгожданный консенсус в сообществе лингвистов-теоретиков «с позиции доказательной силы».

3.1. Единая теория языка. Вслед за целым рядом лингвистов мы считаем, что рано или поздно в лингвистике такая теория будет создана (если не единая и общепризнанная, то по крайней мере доминирующая, подобная, скажем, теории Дарвина в эволюционной биологии). В духе синхронически-диахронического подхода она должна представлять собой единство двух составляющих: синтетической и эволюционной. Синтетическая составляющая призвана учесть как внутрисистемные, сугубо лингвистические свойства языка и процессов его синхронного функционирования⁶, так и межсистемные требования, выдвигаемые другими подсистемами, такими как мышление, представление знаний, эмоции, память и пр., тесно взаимодействующими с языковой подсистемой. Эволюционная составляющая должна служить основой для объяснения эволюции языка и процессов его становления и развития у ребенка⁷.

⁶ Подчеркнем: едва ли не важнейшим проявлением языковой способности носителя языка, требующей пристального внимания лингвиста, является некодифицированная устная речь, с ее комплексом полимодальных каналов передачи информации, множеством окказиональных употреблений лексики, неполных синтаксических конструкций и пр.; см., к примеру, [Кибрик 2015; Кравченко 2014].

⁷ В целом ряде работ изучение языка связывается с набором требований как эволюционного, так и синтетического характера. Но, как правило, их авторы делают более избирательный выбор. К примеру, в статье [Гивон 2015: 89] «рассматривается генезис синтаксической сложности и, на этом фоне, фундаментальное единство трех обнаруживаемых в языке направлений развития — диахронии, онтогенеза (усвоения) и филогенеза (эволюции)». При этом, однако, семантическое направление, в частности лексическая полисемия, не принимается во внимание.

Подчеркнем: эволюционно-синтетическая (далее просто синтетическая) теория не может быть сугубо лингвистической. В нее, наряду с лингвистической, должны входить системно связанные с ней когнитивная, мыслительная, социальная и др. составляющие. Фактически новая теория языка должна строиться в рамках новой когнитивной парадигмы, которую тоже можно назвать синтетической, поскольку она будет нацелена на системное объединение парадигм частных когнитивных наук: лингвистики, психологии, нейробиологии и др.

Создание синтетической теории языка — это длительный процесс, требующий деятельного участия и тесного взаимодействия представителей разных когнитивных наук. В статье [Кошелев 2013б: 717—754] рассмотрен алгоритм построения начального, или ядерного, компонента такой теории. Там же мы предложили свою версию этого компонента. Она охватывает период речемыслительного развития ребенка от 6-месячного до 4-летнего возраста по трем взаимосвязанным линиям: ментальному представлению действительности, речи и мышлению. Другой фрагмент — описание лексико-семантического компонента синтетической теории языка — изложен в статье [Кошелев 2015].

Ниже мы кратко обсудим два аспекта синтетической теории: а) назначение естественного языка и б) его эволюционную модель, дающую объяснение эволюции языка и его становления у ребенка⁸.

3.2. Назначение языка. Как видно из краткого обзора (см. п. 1.2), различные теории языка трактуют назначение языка двояко: как инструмент мышления (построения умозаключений) и как средство коммуникации — передачи таких умозаключений от говорящего к слушающему.

В синтетической теории выделяется еще одна, обычно не упоминаемая, функция языка, точнее **сенсорного подъязыка**: его фразы передают слушающему свои референтные ситуации.

Терминологическое замечание. Мы называем слова **сенсорными**, если они имеют визуальные (перцептивные) прототипы, т. е. если их прямые референты доступны чувственному восприятию. Ср., к примеру:

⁸ Широко известный тезис Ф. Добжанского «Ничто в биологии не имеет смысла, не будучи рассмотрено в свете эволюции» [Dobzhansky 1964: 449] в применении к лингвистике следует дополнить: «Язык и его основные составляющие: лексику, грамматику и лексико-грамматический интерфейс — имеет смысл изучать только в эволюционном и онтогенетическом плане».

Семантический анализ показывает, что в это время (ребенку около полутора лет. — А. К.) в речи-источнике преобладают сенсорные — зрительные и тактильные — прилагательные... *белый, желтый... большой, маленький... кривой, круглый... веселый, грязный, красивый, молодой, чистый* [Воейкова и др. 2015: 524].

В этом плане прилагательные *ловкий, столовый, рыночный, отцов* не являются сенсорными. Соответственно, мы называем **фразу сенсорной**, если входящие в нее слова являются сенсорными и употреблены в основных значениях. В этом случае фраза также имеет одно — основное — значение, а ее референтная ситуация доступна перцептивному восприятию.

Итак: сенсорная фраза передает от говорящего к слушающему не только значение (или умозаключение), но и «живую картинку» — прототип своего прямого референта. Это в точности аналогично сенсорным словам: *стол, красный, бежать* и т. д. Услышав такое слово, человек спонтанно представляет его типичный референт [Гаспаров 1996: 249, 261]. Поясним сказанное. Предположим, мы услышали обрывок сенсорной фразы:

- (1) *Секретарша резко повернулась на стуле к открывающейся двери...*

Не видя и не зная описываемой говорящим **ситуации**, мы совершенно конкретно ее представляем: секретарша сидела на вращающемся (офисном) стуле, а затем быстро повернулась вместе с сиденьем к открывающейся двери. Для нас это настолько привычная операция (представить реальную ситуацию, названную услышанной фразой), что мы даже не осознаем ее нетривиальности: фраза передает нам не просто значение, а «динамическую картинку» — описываемую ею референтную ситуацию (если не в точности ее, то ситуацию, типологически очень похожую, причем в конкретных чертах). Подчеркнем: для слушающего это может быть совершенно новая «картинка», никогда ранее им не воспринимавшаяся. Мы с этим постоянно сталкиваемся, читая документальные или художественные тексты; ср.:

Олл-райт, Берт, — произнес он и отступил в сторону. Берт вставил ключ в замок, повернул его, нажал на ручку, отворил дверь и пропустил вперед Бэнса. За ним вошел полицейский, а за ним уж я. Сделав два шага, Бэнс остановился, оглянулся на нас и повысил голос: — Бонни! Это Джим.

Я первым заметил голубую домашнюю туфельку, надетую на женскую ножку, высунувшуюся из-под края кушетки (Рэкс Стаут. Кровь скажет).

Более того, передаваемая «живая картинка» может быть продуктом фантазии или галлюцинаций говорящего, а значит, она в принципе недоступна восприятию слушающего; ср. описание «необычной реальности» у Карлоса Кастанеды («Разговоры с доном Хуаном»):

Я сфокусировал взгляд на собаке и внезапно увидел, что собака стала прозрачной. Вода была сияющей прозрачной жидкостью. Я видел, как она идет по горлу собаки в ее тело; я видел, как затем вода равномерно растекается по всему ее телу и затем изливается через каждый из волосков. Я видел, как светящаяся жидкость движется по каждому из волосков и затем выходит из волосков, образуя длинный шелковистый ореол.

Понятно, что далеко не всякая фраза обладает таким свойством — передавать визуальный образ своей референтной ситуации. Если, к примеру, во фразе какие-то слова употреблены в метафоричных значениях, передача «картинки» слушающему уже не гарантируется, поскольку для понимания новой, не встречавшейся ему ранее метафоры он должен видеть или хорошо знать описываемую ситуацию. Например, в детской метафоричной фразе *У супа насморк* все слова сенсорные. Но своей референтной ситуации — на поверхности супа в тарелке возник пузырь — она не передает. Напротив, чтобы понять эту фразу, мы должны знать или видеть эту ситуацию. А вот примеры простых фраз, не являющихся сенсорными и потому не передающих своих референтных ситуаций: *Ивана ждет тяжелая работа; Глубина его знаний поражала воображение; Вера Ивановна содержала свое хозяйство в образцовом порядке; Поймай цену на старте продаж!* (реклама). И пример синтаксически сложной (хиазм) фразы: *Я хотела бы быть такой, какой я была тогда, когда хотела быть такой, какая я сейчас* (граффити [Береговская 2004]).

Наглядной иллюстрацией сказанного может служить восприятие научно-фантастического рассказа А. Азимова «Молодость» (перевод Н. Щербиновской). Вот его слегка измененное (для большей иллюстративности) начало:

— Тощий! — Его окликнули хриплым, встревоженным шепотом, и он дернулся к окну. На самом деле у него было совсем другое имя, но его новый друг, с которым он познакомился накануне, едва взглянув на худощавую фигурку, сказал: «Ты — Тощий». И добавил:

«А я — Рыжий». На самом деле его тоже звали совсем иначе, но это имечко явно шло к нему. Тощий крикнул: — Эй, Рыжий! — и радостно замахал ему, стряхивая с себя остатки сна.

Не имея эмпирического знания референтной ситуации, мы трактуем воспринятые сенсорные слова и фразы в их основных значениях. Но вот конец рассказа:

Рыжий смотрел, как отлетает корабль. Красные щупальца — из-за них он получил свое прозвище — все еще колыхались, выражая сожаление об утраченной надежде, а глаза на ножках были полны желтоватыми кристаллами, которые соответствовали нашим земным слезам.

Теперь, благодаря маркерам «красные щупальца», «глаза на ножках», фиксирующим референтную ситуацию, с воспринятым текстом происходит метаморфоза: употребления слов становятся метафорическими, и мы моментально понимаем, что та видимая реальность, которую мы строили, опираясь на их основные значения, неверна. Слова использовались в окказиональных метафорических употреблениях и описывали совершенно другую реальность.

Указанный эффект — передача посредством языковой фразы ее референтной ситуации — важен в самых разных аспектах (ниже мы это поясним). Поэтому любая лексикологическая теория должна быть способна его объяснить. К примеру, развиваемый нами референциальный подход к лексической полисемии (см. [Кошелев 2015]) такое объяснение обеспечивает. Поскольку основные значения слов содержат прототипы своих референтов, слушающий строит из них как из кубиков гипотетическую референтную ситуацию услышанной фразы. В этом легко убедиться, обратившись к анализу слова *стул* ([Там же: 300]).

Замечание. Как отмечается в статье [Genea et al. 2007], способность познавать мир через восприятие речи — одна из характернейших черт человека. Ребенок овладевает этой способностью с 22 месяцев (в 19 месяцев ее еще нет) именно благодаря свойству речевых выражений передавать слушающему свои референты. Сначала, с 13 месяцев, в сознании ребенка актуализируется знакомый ему референт слова (он пытается найти отсутствующий предмет, имя которого он услышал). Затем, с 22 месяцев, ребенок включает в этот известный ему референт новые свойства, о которых он услышал. Так, услышав, что на Люси (одну из трех известных ему игрушек) пролили воду, он модифицирует свое прежнее ментальное представление о Люси (‘теперь Люси мокрая’); см. [Genea et al. 2007].

3.3. Сенсорный ядерный язык — первооснова человеческого языка. Выделим в сенсорном подязыке **ядро** — подмножество **простых** сенсорных фраз, т. е. фраз, имеющих элементарную (без подчиненности) синтаксическую структуру: одна двусоставная предикация «подлежащее — сказуемое», в которой место подлежащего занимает сенсорное существительное, а место предиката — сенсорный глагол. Фразы с таким лексическим составом (сенсорные слова в основных значениях) и простой синтаксической структурой описывают непосредственно воспринимаемые события (ситуации) реального мира: взаимодействие агенса с пациенсом посредством того или иного физического действия, воздействие агенса на какой-то объект с использованием инструмента⁹, перемещение агенса в некоторую точку пространства (на поверхность, внутрь замкнутой области и пр.), простейшие желания и внутренние состояния человека (они, как известно, универсальны) и т. д. Кроме того, понятно, что эти фразы однозначны в том смысле, что не могут одновременно передавать две типологически различные (не изоморфные) референтные ситуации, поскольку входящие в них слова и связывающие их отношения (например, выражаемые предлогами) употреблены в основных значениях. Поэтому вполне резонно говорить, что каждая фраза сенсорного ядра имеет одно сенсорное значение.

⁹ Важно строго различать структуру ситуации действительности и языковую структуру, описывающую эту ситуацию, ср. следующее рассуждение Я. Кэтфорда: «В конкретной ситуации, когда мальчик открывал дверь ключом, в реальном мире представлены три участника ситуации; и конечно, независимо от того, как СКАЗАТЬ о ней, ключ всегда останется инструментом в событии реального мира. Но такое событие, как взаимодействие трех участников во внешнем мире, не может быть названо (как полагают некоторые) “глубинной структурой” языкового высказывания. Событие внешнего мира как таковое вообще не имеет ЯЗЫКОВОЙ структуры, ни глубинной, ни какой-то другой. Только когда говорящий осмысляет ситуацию с целью ее языкового обозначения, ей, можно сказать, навязывается некая языковая структура. Если говорящий выбирает такой способ концептуального и грамматического выражения ситуации, при котором ключ играет роль инструмента, тогда — например, в дагестанских языках — соответствующее слово в поверхностной структуре получит форму творительного падежа... Если, однако, говорящий осмыслит ситуацию иначе и отправным пунктом, субъектом его предикации станет ключ, тогда соответствующее слово будет поставлено в эргативный падеж... И наконец, еще одно понимание ситуации (мальчик использовал ключ) приписывает ключу функцию объекта, выражаемого в дагестанских языках именительным падежом...» [Catford 1975: 15] (цитируется по [Вежицкая 2011: 297, 298]).

Условимся представлять человеческий язык в виде двух подъязыков: исходного (сенсорного ядра) и производного (от него) — семантико-синтаксического расширения, которое дополняет сенсорное ядро до полноценного языка. Таким образом, язык в синтетической теории представляется следующей бинарной эволюционной моделью: «язык = сенсорное ядро + семантико-синтаксическое расширение». В этой модели «сенсорное ядро» — это исходный (эволюционно более ранний) язык. А «семантико-синтаксическое расширение» — это производный и эволюционно более поздний язык, который порождается из ядра по специальным правилам (посредством специальных процедур).

Сенсорное ядро представляет собой в некотором смысле универсальный язык, а его семантико-синтаксическое расширение — лингвоспецифичный язык, отражающий жизненный уклад данного этноса, его мировосприятие и культурные традиции.

Лексикон ядерного языка можно мыслить как набор сенсорных слов, представляющих собой «базовую» лексику словаря, и в этом плане близкий к списку Сводеша [Старостин 2007: 782], в котором все слова берутся в их исходных (сенсорных) значениях. Центральную и универсальную часть этого лексикона составляют существительные и глаголы¹⁰.

В основе семантико-синтаксической структуры фраз ядра лежат отношения и свойства реального мира¹¹. Иначе говоря, структура фразы ядерного языка предопределяется структурой ее типичной референтной ситуации: референты слов составляют эту ситуацию подобно деталям детского конструктора, из которых ребенок строит машину, дом и пр. А поскольку на этом начальном, непосредственно наблюдаемом уровне осмысления окружающего мира составляющие его элементы (предметы, живые существа, массы, локусы, действия, состояния, свойства и пр.) и связывающие их отношения в известной мере

¹⁰ Ср.: «Наиболее универсальным противопоставлением среди таких грамматических классов лексем является деление на *существительные... и глаголы...* Как кажется, нет надежного примера такого естественного языка, в котором противопоставление существительных и глаголов полностью отсутствовало бы (впрочем, вопрос в значительной степени остается открытым). Классы прилагательных и наречий (также достаточно часто выделяемые) не универсальны» [Плунгян 2011: 69].

¹¹ Напомним известное определение: «Обозначая явление, предмет, слово (в основном значении. — А. К.)... отражает понимание “кусочка действительности” и его отношений к другим элементам той же действительности» [Виноградов 1977: 163].

универсальны — сходным образом воспринимаются представителями различных этносов¹², то в той же мере универсален и сенсорный ядерный язык, описывающий этот «видимый мир». Таким образом, данный язык является одновременно инструментом мышления человека об этом его мире и средством коммуникации — передачи живых картинок вместе с мыслями о них.

Исторический экскурс: лингвистическая традиция, идущая от Аристотеля. Не следует умалять роль ядерного языка в сравнении с его этноспецифичным расширением. Согласно лингвистической традиции, идущей от Аристотеля, это, по существу, и есть человеческий язык. Главный тезис Аристотеля: язык — это инструмент мышления (универсальный компонент, поскольку люди мыслят одинаково); ср.: «Вопреки мнению некоторых, нет различия между доказательствами, относящимися к слову, и доказательствами, относящимися к мысли» (Аристотель. О софистических опровержениях 10, 170b12–14). Иначе говоря, Аристотель считал, что семантико-синтаксическая структура языковых фраз соответствует а) структуре человеческих мыслей и б) структуре явлений объективной действительности. Вот как характеризует аристотелевскую трактовку языка известный исследователь античных учений о языке И. А. Перельмутер:

Внутренняя семантическая структура у всех языков, по представлению Аристотеля, одинакова, вместе с тем эта структура не включает в себе ничего или почти ничего специфично языкового, она вполне адекватна... структуре реального мира. <...> Аристотель исходит из убеждения, что языки различаются между собой лишь звучанием слов, что внутренняя семантическая структура у всех языков одинакова, что в общем и целом эта

¹² В статье [Кошелев 2013б: 760—767] мы показываем, что дифференциация видимого мира на предметы и физические (видимые) действия отражает исходное, видоспецифическое представление мира, универсальное и не подвластное влиянию родного языка. Подчеркнем: этот тезис справедлив для языков любого строя. К примеру, эргативность фиксирует лишь синтаксическое оформление существительных (именных групп), называющих главных участников ситуации: *Иван поймал рыбу* vs. *Рыба поймана Иваном*. Но реальная ситуация, воплощенная в этих фразах, одна и та же: «Действие Ивана имеет результат: рыба, плававшая в воде, теперь находится у Ивана (в его распоряжении)». Конечно, для одной и той же ситуации возможно различное оформление синтаксических ролей. Поэтому если быть предельно точным, то следует говорить об одноактантных глаголах. Тогда цепочку «подлежащее — сказуемое» можно заменить на «предикат — первый (и единственный) актант». И в таком случае фраза «мальчик спит» (язык номинативного строя) и фраза ≈ «спят мальчика» (язык активного строя) суть речевые варианты одной и той же ситуации.

структура точно соответствует объективной действительности и нашему о ней представлению. <...> Языковые связи непременно, по его представлению, должны отражать связи реальной действительности. Исследуя связи явлений между собой, Аристотель всегда уделяет внимание связям между названиями этих явлений, часто он исходит из характера связи между названиями для раскрытия природы реальной связи между явлениями [Перельмутер 1980: 164, 166].

И эта традиция — видеть в языке универсальный инструмент мышления и описания мира — получает дальнейшее развитие в Грамматике модистов и Грамматике Пор-Рояля (подробнее об эволюции лингвистических парадигм см. в [Кошелев 2014б]). Лишь с началом формирования сравнительно-исторического метода (первые десятилетия XIX в.) центральной темой в лингвистике становится изучение лингвоспецифичной составляющей языка.

3.4. Онтогенез языка. Поясним кратко дуальную эволюционную модель «язык = сенсорное ядро + семантико-синтаксическое расширение», обратившись к процессу освоения ребенком родного языка. Уже начальный детский лексикон (первые 100 слов) свидетельствует о том, что этот процесс начинается с усвоения ребенком элементов сенсорного ядра языка. Сначала ребенок говорит однословными сенсорными словами-фразами (голофразами), затем появляются двухсловные сенсорные фразы.

Далее, на следующем этапе когнитивного и языкового развития ребенка (примерно с двух лет) его сенсорный язык постепенно расширяется до полноценного языка. Расширение идет по двум направлениям: семантическому — образование у прежних однозначных слов переносных значений и появление новых слов с абстрактными значениями (при этом фразы остаются синтаксически простыми, но утрачивают свойство сенсорности), и синтаксическому — образование сенсорных фраз со сложным синтаксисом.

Семантическое расширение обеспечивается, главным образом, процедурами метафоризации и метонимизации (подробнее см. [Кошелев 2014в: 73—75; 2015: 293—296]). Они, во-первых, делают лексику многозначной: к основным значениям слов добавляются переносные значения, а во-вторых, способствуют появлению слов с абстрактными значениями (*предмет, животное, растение, сила, благородство, руководить, обобщать*). Таким образом, это расширение протоязыка уже не является сенсорным. Его фразы не обязательно передают «живые картинки» (свои референты).

Синтаксическое расширение обусловлено усложнением детского представления об окружающем мире. В прежде простых, синкретично целостных компонентах ситуации действительности (предметах и действии, их связывающем) ребенок теперь начинает видеть отдельные свойства и части, их иерархию [Кошелев 2013б: 746—752]. Тем самым ситуации действительности качественно усложняются, становятся более дробными и системными. Поэтому усложняется и синтаксис фраз, призванный описать возросшую сложность окружающего мира, его детализированность и иерархичность. Появляется рекурсия различных видов, условные конструкции и пр.

Таким образом, двигателем синтаксического расширения (усложнения синтаксиса) являются два взаимодействующих фактора: когнитивный — усложняющаяся структура действительности (ее ментальное представление в мозгу ребенка), и языковой — убежденность ребенка, что любой фрагмент действительности имеет языковое имя (слово, выражение, фразу или жест — для глухих)¹³. Сначала синкретичную ситуацию ребенок называет голофразой, затем эту же ситуацию, разделившуюся в его представлении на предметы и связывающее их действие, он называет простой фразой. А затем, примерно с двухлетнего возраста, ребенок начинает различные сложные ситуации называть различными синтаксически сложными фразами. Сформировавшись в применении к усложнившемуся «видимому» миру, новые синтаксические структуры соотносятся у ребенка (посредством метафоризации) и с ситуациями «мыслимого», ненаблюдаемого мира.

Мы рассмотрели два крайних случая: 1) чисто синтаксическое расширение, когда простая сенсорная фраза становится синтаксически

¹³ Уже давно (со времен Л. С. Выготского) стало понятно, что речевые имена ребенок отличает от других звуков (тонов, эмоциональных восклицаний, пения) и каждое имя трактует как непреложное свойство фрагмента действительности (вещи, действия, ситуации), такое же свойство, как цвет, вес и пр., — см., например, [Касевич 2015: 175, 176]. Эта особенность проявляется у ребенка уже с 3—4 месяцев, когда, слыша различные названия внешне сходных предметов, он быстрее дифференцирует их (относит к разным категориям) [Waxman 2008; Ferry et al. 2010]. Аналогично глухие дети с самого раннего возраста воспринимают некоторые мануальные движения как знаковые (жесты) и отделяют их от других движений человека [Petitto 2005]. При этом ребенок убежден, что разные фрагменты действительности должны иметь разные имена [Markson et al. 2008; Pereira, Smith 2009]. Эти и другие результаты позволяют предполагать, что данное языковое свойство имеет генетическую природу. Таким образом, усвоение ребенком родного языка предопределяется совместным участием двух генетически обусловленных факторов: когнитивного, обеспечивающего усложнение детского представления мира, и языкового, согласно которому каждое такое представление и любой его фрагмент имеет свое имя.

сложной, но по-прежнему сенсорной (*Иван бежал и Иван бежал, припадая на левую ногу* — обе фразы передают свои референтные картинки), и 2) чисто семантическое расширение, когда простая сенсорная фраза преобразуется в несенсорную фразу с метафорическим значением (*Иван бежал и Иван бежал из страны*). Естественно, имеется множество промежуточных случаев, когда простая сенсорная фраза получает и синтаксическое, и семантическое расширение. В совокупности все эти фразы и представляют собой полное расширение сенсорного ядра.

Замечание. Владение сенсорным языком знаменует для ребенка важнейший этап усвоения родного языка: его речь обретает свойство перемещаемости (по Ч. Хоккету). Она полностью освобождается от опоры на текущую ситуацию, в которой ребенок находится вместе со слушающим (без этого общего ситуационного контекста его начальное речевое общение с окружающими было бы невозможно). Этот фактор развития детской речи начинает действовать, когда ребенок сталкивается с необходимостью понимать фразы окружающих, описывающие неизвестную ему (ненаблюдаемую им) ситуацию действительности, и, наоборот, когда у ребенка возникает необходимость описывать своими фразами ситуации, неизвестные окружающим¹⁴. Только теперь происходит полная дифференциация речи ребенка и действительности, которую она описывает.

3.5. Лексический протоязык. В статье [Кошелев 2013в] мы выдвинули и постарались обосновать следующую гипотезу: лексика протоязыка была однозначной, а при ее трансформации в лексику человеческого языка (праязыка) однозначные слова стали многозначными, т. е. из основных значений слов образовались переносные значения.

Остается, однако, открытым вопрос о синтаксических свойствах протоязыка. Наиболее распространенная в наши дни теория лексического протоязыка Д. Бикертон утверждает, что протоязык был асинтаксическим (его фразы представляли собой «бусины на нитке» — последовательности слов, не имеющие синтаксической структуры).

¹⁴ Хорошей иллюстрацией роли данного фактора может служить случай, рассмотренный в небольшой книжке [Лурия, Юдович 1956: 32 и сл.]: развитие речи пятилетних однойцевых близнецов, замкнутых в общении друг на друга, существенно замедлилось, несмотря на то что они жили в полноценной семье вместе с другими детьми и имели нормальное когнитивное развитие. Дело в том, что они почти всё время проводили в совместных играх и потому их речения постоянно опирались на общую, известную им обоим ситуацию игры. В результате их фразы неизбежно становились имплицитными (редуцированными). Как только близнецов «разъединили» (поместили в детском саду в разные группы), их речь быстро пришла в норму, поскольку теперь они оказались в ситуации, побуждающей их к эксплицитному речевому общению с другими детьми.

Теперь мы можем высказать следующую гипотезу. Протоязык представлял собой ядро сенсорного подъязыка: множество простых фраз с элементарным синтаксисом, который проявляется, главным образом, в порядке слов во фразе.

Лексикон такого протоязыка можно мыслить как подмножество слов, представляющих собой «базовую» лексику словаря, которые берутся только в основных, категориальных значениях — тех значениях, которые задают исходную таксономию действительности, — классы предметов, процессов и действий, качеств, а также пространственные отношения.

Фразы протоязыка однозначны и описывают события (ситуации) непосредственно воспринимаемого реального мира: взаимодействие агенса с пациенсом посредством того или иного действия, использование агенсом инструмента, его перемещение в некоторую точку пространства (на поверхность, внутрь замкнутой области и пр.), желания и внутренние состояния человека и т. д. Короче говоря, начальный, семантический синтаксис фразы протоязыка задается структурой ее типичной референтной ситуации. А она составляется из референтов слов подобно деталям детского конструктора, из которых ребенок строит машину, гараж и пр. Собственно синтаксическая (конвенциональная) составляющая определяет лишь порядок следования слов, чтобы слушающий смог декодировать имя субъекта (подлежащего) и имена дополнений.

Тем самым все фразы протоязыка являются сенсорными и передают свои референтные ситуации от говорящего к слушающему. Для иллюстрации этого тезиса обратимся к рассуждениям Д. Бикертона. Представляя ход мысли раннего *Homo sapiens*, он приводит следующий текст, доступный формулировке на протоязыке: «Я кидать дротик / копьё. Наконечник ударить зверь. Наконечник выпасть. Рана закрыться. Зверь убежать...» [Бикертон 2012: 247]. Как мы видим, это последовательность простых сенсорных фраз.

Естественно задаться вопросом: почему проточеловеку столь важно было передавать своими фразами конкретные ситуации действительности? Ответ лежит на поверхности: подавляющую часть наших разговоров на бытовые темы составляют простые сенсорные фразы. Для сравнения заметим, что язык пираха — небольшого племени охотников-собирателей, живущего по берегам реки Маиси, притока Амазонки, целиком и полностью состоит из простых сенсорных фраз (см. монографию [Everett 2008] и статью [Piantadosi et al. 2012], в которой подтверждается тезис Эверетта об отсутствии в языке пираха рекурсии).

Подобно развитию детского языка, эволюцию человеческого языка тоже можно представить в виде двух линий расширения сенсорного протоязыка: семантической и синтаксической, обусловленных развитием когнитивных и мыслительных возможностей проточеловека.

3.6. Исчезает ли протоязык? В связи с бикертоновской теорией лексического протоязыка живо обсуждается вопрос об исчезновении последнего. Упомянем здесь точку зрения Т. Фитча, который к числу слабых сторон этой теории относит допущение, согласно которому существовавший когда-то протоязык затем исчез, и, следовательно, его нет у современного человека. Его атавистические проявления (protolinguistic “fossils”) [Фитч 2013: 434] возможны лишь в короткие периоды усвоения языка ребенком. Ранее этого вопроса касался Т. Дикон, считающий, что протоязык, столь долго формировавшийся, вряд ли мог так быстро исчезнуть в период последующей эволюции нашего вида [Deacon 1997: 384].

Из приведенных выше рассуждений следует, что определенный нами сенсорный протоязык никогда не исчезал. Напротив, он вошел ядерной частью в состав праязыка и продолжает функционировать во всех современных человеческих языках.

Выражаю благодарность А. А. Кибрику, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазуровой и Г. С. Старостину за ценные замечания.

ЛИТЕРАТУРА

- Аркадьев 2008 — *Аркадьев П. М.* Структура события и семантико-синтаксический интерфейс. Обзор новейших работ // Вопросы языкознания. 2008. № 2. С. 107—136.
- Береговская 2004 — *Береговская Э. М.* Очерки по экспрессивному синтаксису. М.: Рохос, 2004.
- Бернштейн 2008 — *Бернштейн Н. А.* Биомеханика и физиология движений. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2008.
- Бикертон 2012 — *Бикертон Д.* Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Языки славянских культур, 2012.
- Вежбицкая 1999 — *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Вежбицкая 2011 — *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011.
- Виноградов 1977 — *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // *Виноградов В. В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 162—189.

- Воейкова и др. 2015 — *Воейкова М. Д., Казаковская В. В., Сатюкова Д. Н.* Семантика прилагательных в речи взрослых и детей // *Кибрик А. А., Кошелев А. Д., Кравченко А. В., Мазурова Ю. В., Федорова О. В.* (ред.). *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика*. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 488—540.
- Гаспаров 1996 — *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- Гивон 2015 — *Гивон Т.* Сложность и развитие // *Кибрик А. А., Кошелев А. Д., Кравченко А. В., Мазурова Ю. В., Федорова О. В.* (ред.). *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика*. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 89—122.
- Демьянков 2009 — *Демьянков В. З.* Парадигма в лингвистике и теории языка // *Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. статей в честь Е. С. Кубряковой*. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 27—37.
- Иванчей 2014 — *Иванчей И.* Теории имплицитного научения: противоречивые подходы к одному феномену или непротиворечивые описания разных? // *Российский журнал когнитивной науки*. 2014. Т. 1 (4). С. 17—30.
- Касевич 2000 — *Касевич В. Б.* Является ли лингвистика наукой? (По поводу статьи Жильбера Лазара) // *Материалы XXIX межвуз. науч.-методич. конф. преподавателей и аспирантов*. Вып. 14. Секция общего языкознания. Ч. 1. СПб., 2000. С. 53—68.
- Касевич 2013 — *Касевич В. Б.* Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Касевич 2015 — *Касевич В. Б.* Заметки о «когниции» // *Кибрик А. А., Кошелев А. Д., Кравченко А. В., Мазурова Ю. В., Федорова О. В.* (ред.). *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика*. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 173—184.
- Кибрик 1995 — *Кибрик А. Е.* Современная лингвистика: откуда и куда // *Вестник МГУ. Сер. «Филология»*. 1995. № 5. С. 93—103.
- Кибрик 2015 — *Кибрик А. А.* Когнитивный анализ дискурса: локальная структура // *Кибрик А. А., Кошелев А. Д., Кравченко А. В., Мазурова Ю. В., Федорова О. В.* (ред.). *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика*. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 595—634.
- Кошелев 2013а — *Кошелев А. Д.* Современная теоретическая лингвистика как Вавилонская башня // *Известия РАН. Сер. языка и литературы*. 2013. Т. 72. № 6. С. 3—22 (www.akoshelev.net).
- Кошелев 2013б — *Кошелев А. Д.* Когнитивистика перед выбором: дальнейшее углубление противоречий или построение единой междисциплинарной парадигмы // *Фитч У. Т.* Эволюция языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 680—767 (<https://independent.academia.edu/AlexeyKoshelev>).
- Кошелев 2013в — *Кошелев А. Д.* О финальной стадии эволюции языка (лексико-семантический аспект) // *Вестник РГГУ. Сер. «Филологические науки. Языкознание. Вопросы языкового родства»*. 2013. № 10. С. 63—84.

- Кошелев 2014а — *Кошелев А. Д.* Кризис когнитивной науки и его объяснение с позиций общей теории развития // *Чуприкова Н. И., Волкова Е. В.* (ред. и сост.). Дифференционно-интеграционная теория развития. Кн. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 235—246.
- Кошелев 2014б — *Кошелев А. Д.* Эволюция лингвистических парадигм в свете общей теории развития // *Чуприкова Н. И., Волкова Е. В.* (ред. и сост.). Дифференционно-интеграционная теория развития. Кн. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 217—234.
- Кошелев 2014в — *Кошелев А. Д.* В поисках консенсуса (О рецензии С. А. Буллак на книгу У. Т. Фитча «Эволюция языка») // *Известия РАН. Сер. языка и литературы.* 2014. Т. 73. № 5. С. 70—80.
- Кошелев 2015 — *Кошелев А. Д.* О референциальном подходе к лексической полисемии // *Кибрик А. А., Кошелев А. Д., Кравченко А. В., Мазурова Ю. В., Федорова О. В.* (ред.). Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 287—349.
- Кравченко 2014 — *Кравченко А. В.* Грамматика как семиозис // *Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях (Studia linguistica cognitiva. Вып. 3): межвузовский сб. науч. трудов. 2-е изд., стереотип.* М., 2014. С. 58—80.
- Кравченко 2015 — *Кравченко А. В.* О предметной области языкознания // *Кибрик А. А., Кошелев А. Д., Кравченко А. В., Мазурова Ю. В., Федорова О. В.* (ред.). Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 574—594.
- Лакофф 2004 — *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Гнозис, 2004.
- Лурия, Юдович 1956 — *Лурия А. Р., Юдович Ф. Я.* Речь и развитие психических процессов у ребенка. Экспериментальное исследование. М., 1956.
- Мельчук 2012 — *Мельчук И. А.* Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012.
- Мельчук 2012а — *Мельчук И. А.* Зависимости-2011: Отношение зависимости в языке и в лингвистике // *Вопросы языкознания.* 2012. № 1. С. 3—26.
- Панов 2012 — *Панов Е. Н.* Эмпирический факт и его трактовки в этологии // *Панов Е. Н.* Избранные труды по этологии и эволюционной биологии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 74—86.
- Перельмутер 1980 — *Перельмутер И. А.* Аристотель // *Десницкая А. В., Кацнельсон С. Д.* (отв. ред.). История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1980. С. 156—179.
- Пинкер, Джекендофф 2008 — *Пинкер С., Джекендофф Р.* Компоненты языка: что специфично для языка и что специфично для человека? // *Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка.* М.: Языки славянских культур, 2008.
- Плунгян 2011 — *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

- Риццолатти, Синигалья 2012 — *Риццолатти Д., Синигалья К.* Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. М.: Языки славянских культур, 2012.
- Серио 1993 — *Серио П.* В поисках четвертой парадигмы // *Философия языка: в границах и вне границ.* Вып. 1. Харьков: Око, 1993. С. 37—52.
- Соссюр 1977 — *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
- Старостин 2007 — *Старостин С. А.* О доказательстве языкового родства // *Старостин С. А.* Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 779—793.
- Томаселло 2015 — *Томаселло М.* Узуальная теория освоения языка // *Кибрик А. А., Кошелев А. Д., Кравченко А. В., Мазурова Ю. В., Федорова О. В.* (ред.). *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика.* М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 755—784.
- Фаликман 2010 — *Фаликман М. В.* Общая психология. Т. 4. Внимание. М.: Academia, 2010.
- Фитч 2013 — *Фитч У. Т.* Эволюция языка. М. Языки славянской культуры, 2013.
- Хомский 1972 — *Хомский Н.* Язык и мышление. М.: Изд-во МГУ, 1972.
- Чейф 2015 — *Чейф У.* О необходимости перехода к лингвистике мысли // *Кибрик А. А., Кошелев А. Д., Кравченко А. В., Мазурова Ю. В., Федорова О. В.* (ред.). *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика.* М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 60—88.
- Шульц, Шульц 2002 — *Шульц Д. П., Шульц С. Э.* История современной психологии. СПб.: Евразия, 2002.
- Якобсон 1985 — *Якобсон Р. О.* Лингвистика и ее отношение к другим наукам // *Якобсон Р. О.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 369—420.
- Arbib 2012 — *Arbib M.* How the brain got language. The mirror system hypothesis. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2012.
- Bickerton 2007 — *Bickerton D.* Language evolution: A brief guide for linguists // *Lingua.* 2007. 117. P. 510—526.
- Bickerton 2010 — *Bickerton D.* On two incompatible theories of language evolution // *Larson R. K., Déprez V. M., Yamakido H.* (eds). *The evolution of human language: Biolinguistic perspectives.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 199—210.
- Catford 1975 — *Catford I.* Ergativity in Caucasian languages // *North Eastern Linguistics Society Papers.* 1975. Vol. 6. P. 37—48.
- Chomsky 1980 — *Chomsky N.* Rules and representations. Columbia Univ. Press, 1980.
- Chomsky 2010 — *Chomsky N.* Some simple evo-devo theses: How true might they be for language? // *Larson R. K., Déprez V. M., Yamakido H.* (eds). *The evolution of human language: Biolinguistic perspectives.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 45—62.

- Deacon 1997 — *Deacon T. W.* The symbolic species: The co-evolution of language and the brain. N. Y.: Norton, 1997.
- Dobzhansky 1964 — *Dobzhansky T.* Biology, molecular and organismic // *American Zoologist*. 1964. Vol. 4 (4). P. 443—452.
- Evans, Levinson 2009 — *Evans N., Levinson S. C.* The myth of language universals: Language diversity and its importance for cognitive science // *Behavioral and Brain Sciences*. 2009. 32 (5). P. 429—492.
- Everett 2008 — *Everett D.* Don't sleep, there are snakes: Life and language in the amazonian jungle. Profile Books, 2008.
- Ferry et al. 2010 — *Ferry A., Hespos S., Waxman S.* Categorization in 3- and 4-month-old infants: An advantage of words over tones // *Child Development*. 2010. 81 (2). P. 472—479.
- Fitch et al. 2005 — *Fitch W. T., Hauser M. D., Chomsky N.* The evolution of the language faculty: Clarifications and implications // *Cognition*. 2005. 97. P. 179—210.
- Gallese, Lakoff 2005 — *Gallese V., Lakoff G.* The brain's concepts: The role of the sensory-motor system in conceptual knowledge // *Cognitive Neuropsychology*. 2005. 22. P. 455—479.
- Ganea 2007 — *Ganea P., Shutts K., Spelke E., DeLoache J.* Thinking of things unseen: Infants' use of language to update mental representations // *Psychological Science*. 2007. 18. P. 734—739.
- Gentner 2003 — *Gentner D.* Why we're so smart // *Gentner D., Goldin-Meadow S.* (eds). *Language in mind: Advances in the study of language and thought*. Cambridge (MA): MIT Press, 2003. P. 195—235.
- Hauser et al. 2002 — *Hauser M. D., Chomsky N., Fitch W. T.* The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? // *Science*. 2002. 298. P. 1569—1579.
- Jackendoff, Pinker 2005 — *Jackendoff R., Pinker S.* The nature of the language faculty and its implications for evolution of language (Reply to Fitch, Hauser, and Chomsky) // *Cognition*. 2005. 97. P. 211—225.
- Jackendoff 2007 — *Jackendoff R.* *Language, consciousness, culture: Essays on mental structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 2007.
- Jackendoff 2010 — *Jackendoff R.* Your theory of language evolution depends on your theory of language // *Larson R. K., Déprez V. M., Yamakido H.* (eds). *The evolution of human language: Biolinguistic perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 63—72.
- Markson et al. 2008 — *Markson L., Diesendruck G., Bloom P.* The shape of thought // *Developmental Science*. 2008. 11 (2). P. 204—208.
- Meillet 1928 — *Meillet A.* Sur la terminologie de la morphologie générale // *Benveniste E., Bloch J., Vendryes J.* (éds). *Revue des études hongroises*. 1928. P. 29—35.
- Newmeyer et al. 1999 — *Newmeyer F., Darnell M., Moravcsik E., Noonan M., Wheatley K.* (eds). *Functionalism and formalism in linguistics* // *Studies in Language Companion Series*, Vol. 41. Amsterdam: John Benjamins, 1999.

- Pereira, Smith 2009 — *Pereira A. F., Smith L. B.* Developmental changes in visual object recognition between 18 and 24 months of age // *Developmental Science*. 2009. 12. P. 67—80.
- Petitto 2005 — *Petitto L. A.* How the brain begets language: On the neural tissue underlying human language acquisition // *McGilvray J.* (ed.). *The Cambridge companion to Chomsky*. Cambridge University Press, 2005. P. 84—101.
- Piantadosi et al. 2012 — *Piantadosi S. T., Stearns L., Everett D. L., Gibson E.* A corpus analysis of Pirahã grammar: an investigation of recursion. 2012. (http://tedlab.mit.edu/tedlab_website/researchpapers/Piantadosi_et_al_2012_LSAtalk_Piraha.pdf).
- Pinker, Jackendoff 2005 — *Pinker S., Jackendoff R.* The faculty of language: What's special about it? // *Cognition*. 2005. 97. P. 201—236.
- Pulvermüller 2005 — *Pulvermüller F.* Brain mechanisms linking language and action // *Nature Reviews Neuroscience*. 2005. 6 (7). P. 576—582.
- Rizzolatti, Arbib 1998 — *Rizzolatti G., Arbib M.* Language within our grasp // *Trends in Neuroscience*. 1998. 21. P. 188—194.
- Waxman 2008 — *Waxman S. R.* All in good time: How do infants discover distinct types of words and map them to distinct kinds of meaning? // *Colombo J., McCardle P., Freund L.* (eds). *Infant pathways to language: Methods, models, and research directions*. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, 2008. P. 99—118.